

СУДЬБА ТЕАТРА НАТАЛЬИ ЕРМОЛОВОЙ

Юр. ЗУБКОВ

АВИДНАЯ судьба складывается у этой женщины. За короткий срок с ней успели познакомиться, полюбить ее люди, живущие в самых разных городах страны: Казани и Калуге, Туле и Ленинграде, Москве и Воронеже... Что привлекало их в ней? Самоотверженная судьба, самоотверженный характер. Девчонкой застала ее война с фашизмом. Не колеблясь ни минуты, оставила она родной дом и пошла на фронт. Там и в партию вступила. А после победы стала инструктором райкома, да так чуть ли не четверть века, в любую погоду, когда, «проголосовав», на попутной машине, а когда и пешком, «мотаается» она по району, зная, что там ее ждут люди, которым она нужна...

Да, она нужна людям, рядовой партийный работник Наталья Ермолова — героиня пьесы Е. Габриловича и С. Розена «Необыкновенный подарок». По этому совсем не случайно пьеса эта заняла сегодня в театральном репертуаре страны весьма заметное место. Как не случайно и то, что разговор об этой пьесе и поставленных по ней спектаклях я начинаю именно с образа Натальи Ермоловой. Хотя ее сценическая судьба завидна, все же не везде именно ее образ оказывается в центре внимания режиссуры, уступая место тому, с кем Ермолова схватывается в непримиримом поединке.

Вот, к примеру, два спектакля — Ленинградского театра имени В. Ф. Комиссаржевской, поставленный Р. Агамирзяном, и Московского театра имени Н. В. Гоголя, идущий в режиссуре Б. Голубовского. Я не собираюсь противопоставлять эти спектакли друг другу. И у того и у другого есть свои сильные стороны и стороны слабые. Дело не в противопоставлении, а в том, что по одной и той же пьесе поставлены очень разные спектакли. И не только в силу того, что пьеса Е. Габриловича и С. Розена, как и любое талантливое произведение, написанное для сцены, открывает перед разными театрами различные художественные возможности, но и в силу различного понимания режиссерами идейного и нравственного содержания пьесы, того, что в нем главное, а что — второстепенное.

Разумеется, решение того или иного образа определяется не только режиссурой, но и актером, который этот образ воплощает на сцене. Однако же и самый выбор актера на роль также находится в руках режиссуры, зависит от ее истолкования пьесы, общей концепции спектакля.

Если у ленинградцев в центре находится образ Натальи Ермоловой, то у москвичей — образ ее зятя и духовного антипода Ильи. В соответствии с этим спектакль москвичей и называется не «Необыкновенный подарок», а «Шутник». Под этим названием, кстати, в известной мере, на мой взгляд, смещающим в пьесе основной акцент, она вышла и в отделе распространения ВУОАП.

В чем суть конфликта, разветвляющегося между Натальей Петровной и

Ильей? Внешне это выглядит так: Илья изменил дочери Натальи Петровны — Насте, сошелся с юной телеграфисткой Лидой. Настя возвращается к матери, А Илья также спешит сюда, в этот город, молит о прощении. Настя его прощает, Наталья Петровна — нет. Суть конфликта, однако, этой внешней канвой взаимоотношений главных действующих лиц ни в какой степени не исчерпывается. Она заключена в полноте отрицаний к жизни главных героев: творческого, самоотверженного — у Ермоловой, обывательского и потребительского — у Ильи, в самом понимании ими смысла жизни. Есть у Ильи слова, пропущенные им с чувством явного превосходства над тещей, что он-де относится к тем современным молодым людям, которые по любому поводу шутят, над всеми смеются. И в ответ на свой вопрос: над чем же смеются эти молодые люди? — слышит Наталья Петровна: а над тем, что вы считаете высшим и святым.

Как же реализуется этот конфликт в спектакле москвичей?

Было бы несправедливым не отметить той мягкости и сердечности, которыми наделяет Наталью Ермолову в театре имени Гоголя актриса Э. Лапицкая. Много подкупает в этой женщине — ее внимание к людям, доброжелательность, спокойствие, твердость. И тем не менее не она оказывается в «фокусе» режиссерского внимания, а Илья в умном и точном воплощении Л. Кулагина. Актер играет мягко, сдержанно, нигде не педалируя на отрицательных качествах своего персонажа. Играет, даже вступая, пожалуй, в полемику с самим названием спектакля. В самом деле, такой ли уж он шутник, этот Илья — Кулагин? Не маска ли его постоянная ироничность, нежелание что-либо принимать всерьез, повышенная веселость? Не скрывает ли она его глубочайшего убеждения, что коли жизнь дается лишь один раз, то жить нужно только для себя, все беря лишь себе на потребу?

Видимо, опасаясь, как бы фигура Ильи не заслонила собой целиком образ Натальи Петровны, Б. Голубовский совместно с художником П. Беловым превращает спектакль своеобразным прологом. Действие начинается на большой вокзальной платформе. На зрителя надвигаются огни приближающегося поезда. На платформе с чемоданчиком в руке стоит Наталья Ермолова. Замысел режиссера ясен — он хочет подчеркнуть кочевой образ жизни Натальи Петровны, ее вечный беспокойный дух. Однако укрупняется ли от этого образ главной героини пьесы? Не носит ли самый прием режиссера характер лишь информативный?

Сохраняя в своей Наталье Петровне мягкость и сердечность, М. Ганицкая, играющая эту роль в спектакле ленинградцев, наделяет ее еще и глубокой убежденностью в разумности и справедливости своего образа жизни, своего отношения к действительности и к людям, своей меры духовных и нравственных ценностей. И это укрупняет и углубляет ее характер. (Видимо, не доверяя незаурядности Натальи Ермоловой, в вуоапском варианте, как и в московском спектакле, ее превратили из инструктора райкома в работницу Сельхозуправления).

Образ, созданный М. Ганицкой, не

однозначен и не прямолинеен. Ее Наталью Петровну ни на секунду не оставляют тревожные раздумья и переживания матери. Сознывая, что не дала дочери тепла и ласки в детстве, она, радуясь ее разрыву с мужем, которого считает безнравственным, опасается вместе с тем своей категоричностью и непримиримостью поломать судьбу Насте. Но и не хочет, да и не может менять убеждений, ставших ее моральным кодексом, ее натурой.

Илья в исполнении ленинградца С. Ландграфа более открыт, нежели Илья Л. Кулагина в спектакле москвичей. Он отлично знает — и не скрывает этого, — что нравится женщинам, а положение, которого он достиг как ученый, позволяет ему навязывать им свою волю. Та легкость, с которой излагает он свои сентенции, порой чересчур уж откровенно циничные, сообщает ему, как ни парадоксально, изрядное обаяние: шутит же он — конечно, шутит, не может, не станет умный человек подобные вещи всерьез высказывать открыто, без какого бы то ни было флера...

Илье в спектакле ленинградцев и нет особой нужды маскироваться, так как Е. Акуличева вовсе не принимает драму своей Насте всерьез, как, впрочем, не принимает всерьез и ее любви к мужу. Илья ей удобен и выгоден, она хорошо пристроилась, и драма Насте — Акуличевой совсем не в том, что муж обманул ее, а в том лишь, что лишил ее всех привычных удобств и выгод. Эта Настя сродни Илье, подобно ему она эгоистка и потребительница. В московском спектакле Настя — О. Забара более наивна. Это тривиальная девица, оскорбленная обманом мужа, однако продолжающая его слепо любить...

Нет, вероятно, необходимости, сопоставляя разные постановки пьесы, подробно рассматривать все образы в каждом из спектаклей. Хотелось подчеркнуть только, что и Г. Короткевич в Ленинграде, и Л. Геника в Москве в роли Марии Аркадьевны Тарасовой, фронтовой подруги Ермоловой, раскрывают образ не в одном, а в нескольких измерениях. Человек, оказавшийся в плену служебной конъюнктуры и материальных выгод, Тарасова в глубине души еще сохраняет приверженность идеалам своей боевой юности, ее отношение к Наталье Петровне искренне и подкупающе. Павел Прокофьевич же, ее муж, в исполнении И. Конопацкого в Ленинграде — фигура более пассивная и безвольная, находящаяся под каблуком жены, нежели в воплощении Б. Чиркова в Москве. Павел Прокофьевич — Чирков, не вступая в спор с женой, внутренне ей постоянно противостоит. Человек мудрый, он великомерно знает цену всей ее суете, относится к ней с легкой и вовсе не подчеркиваемой им иронией, так как верит в доброе сердце жены, ценит ее верность, привязанность к нему.

Очень важно, что и в том и другом спектакле удалось образы представительницы юности, недавно вступившей в сознательную жизнь, — дочери Марии Аркадьевны Аси и ее друга Васи, олицетворяющих собой чистоту, нравственный максимализм, верность пути, пройденному Натальей Ермоловой. И о москвичках Н. Маркиной и В. Афанасьеве, и о ленинградцах Т. Самариной и В. Дружинине можно было бы сказать много добрых слов. «Необыкновенный подарок» — это же ведь старые кирзовые сапоги, в которых годы прошла и фронтовика, и мирных дорогами Наталья Петровна и которые Настя готова выбросить на свалку, а Ася просит их подарить ей как знак, как символ того, что всю свою жизнь она хочет «сделать» с жизни Натальи Ермоловой...

В обоих спектаклях получает достаточно подробное развитие тема Лиды, телеграфистки, к которой уходил Илья и которую затем он торопливо бросил. Лида появляется в ермоловской квартире впервые еще до приезда Насте и Ильи. Затем она приходит сюда объясняться с Ильей и, не услышав от него в ответ ни одного доброго, мягкого слова, кончает с собой, выбросившись с четвертого этажа гостиницы. Когда об этом узнают Ермолова и Тарасова, Илья жлет всеобщее отчуждение и осужде-

Ленинградский театр имени В. Комиссаржевской. Спектакль «Необыкновенный подарок». Наталья Ермолова — Мария ГАНИЦКАЯ.

ние... В московский спектакль (здесь Лиду излишне экзальтированно играет Э. Суханова) это привносит чуждую ему мелодраматическую ноту, хотя и способствует окончательно разоблачению «шутника». В спектакле ленинградцев, более сдержанном и строгом, — уводит действие несколько в сторону от главной магистрали, связанной с образом Натальи Петровны.

Вот почему наиболее точно и полно выявляющим замысел авторов пьесы мне представляется ее решение, осуществленное в Казанском театре имени В. И. Качалова режиссером В. Соловьевым. Здесь Лида появляется лишь в начале спектакля. В финале один из персонажей говорит, что покончила с собой девушка, одетая так, как была одета Лида. Но это не более чем намек: возможно, она, а возможно, и нет... Илья эти слова никак не воспринимает, они не рождают у него и тени тревоги — и это еще одна гиля (даже если покончила с собой не Лида!) против него на чашу весов нравственного правосудия. Но ни на сцене, ни в зрительном зале не возникает и мысли о необходимости заменить нравственное осуждение Ильи осуждением уголовным, как это происходит в спектаклях ленинградском и особенно московском: не убивал, мол, физически, но довел человека до состояния невменяемости, до самоубийства...

При таком решении, как в театре имени В. И. Качалова, тема Натальи Петровны получает наиболее отчетливое, ясное и сильное выражение. Здесь Ермолова дает бой не потенциальному преступнику, не человеку, объективно являющемуся преступником, а человеку внешне милому и обходительному, безобидному и уважаемому, никаких преступлений не совершающему, однако наносящему значительный урон нравственной атмосфере нашего общества. Тем более что артистка Л. Маклакова, играющая роль Натальи Петровны, создает образ по-чеховски тонкий, проникновенный, отмеченный печатью высокой интеллигентности и поэтичности. Эта женщина не только вызывает уважение своей многотрудной и самоотверженной жизнью, но и пленяет высокой одухотворенностью всего своего облика, каждого своего поступка, движения, взгляда, каждого своего слова.

Значительные нравственные проблемы нашего социалистического общества поднимает пьеса Е. Габриловича и С. Розена. Опыт трех постановок говорит о том, что сценические решения этих проблем могут быть различные. И все же главное, на мой взгляд, в пьесе — это образ верного солдата партии Натальи Ермоловой, вся жизнь и весь духовный облик которой несут на себе отсвет нашей необыкновенной, героической повседневности.